

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ФАКТОР НАРОЖДАЮЩЕЙСЯ МНОГОПОЛЯРНОСТИ В МИРЕ. ПОЗИЦИЯ ГЕРМАНИИ

Терехов В. П.

В статье анализируется развернувшаяся в ФРГ дискуссия вокруг предложения президента России Д. А. Медведева о формировании новой архитектуры европейской безопасности и заключении соответствующего договора. Рассматривается реакция официальных кругов и основных политических сил, влияющих на международную деятельность Германии и выработку ее позиции по актуальным международным проблемам.

Ключевые слова: Безопасность, договор о безопасности, предложения Д. А. Медведева, позиция ФРГ, евроатлантическое пространство, НАТО, ОБСЕ, ХДС/ХСС, СДПГ, Петербургский Диалог

Keywords: security, security treaty, proposals by D.A. Medvedev, position of FRG, euroatlantic area, NATO, OBSE, SDU, SDPG, Saint Petersburg's Dialogue

Предложения президента России Д. А. Медведева о формировании новой архитектуры европейской безопасности вызвали несомненный интерес в Германии, оживив дискуссию о возможностях, перспективах и путях решения этой проблемы. В этих предложениях увидели, помимо их основной целеустановки, признак некой «либерализации» российской внешней политики, желание успокоить Запад, встревоженный громким и решительным возвращением России на мировую политическую арену, о чем с озабоченностью заговорили после известного выступления В. В. Путина на конференции по безопасности в Мюнхене в феврале 2007 года. Обсуждение этой темы приобрело тогда обостренный характер, в том числе и в Германии, вызвало немало острых и недружественных комментариев в адрес России.

Официальная реакция в Германии на инициативу российского президента была благожелательной, но осторожной и сдержанной. Руководство ФРГ, как и других государств, не торопилось втягиваться в конкретное обсуждение, предложив Москве подробно развернуть и аргументировать свои предложения в дополнительных разъяснениях по политическим и дипломатическим каналам. Такие разъяснения последовали, в том числе в ходе министерской конференции ОБСЕ в Хельсинки, конференции ОБСЕ в Вене по обзору проблем в области безопасности 23 июня 2009 г., на неформальной встрече министров иностранных дел стран ОБСЕ на Корфу 27—28 июня 2009 г., а также в ходе многочисленных двусторонних встреч российских руководителей со своими зарубежными партнерами.

Терехов Владислав Петрович - Чрезвычайный и Полномочный Посол, заслуженный работник дипломатической службы, профессор Кафедры дипломатии МГИМО-Университета, Член Координационного Комитета российско-германского Форума «Петербургский Диалог», e-mail: dipc@mgimo.ru.

Однако практическая переговорная работа все еще тормозится представителями Запада.

В принципе подобная реакция не выходит за пределы устоявшейся международной практики. Подготовительная работа, предшествующая переговорам, процесс длительный, требующий от всех сторон внимательного изучения обсуждаемой проблемы, связанных с ней интересов, возможных последствий, выгод и потерь. Такая работа только начинается.

В нынешних условиях выработка потенциальными участниками своих позиций осложняется рядом факторов:

Во-первых, в Евросоюзе и НАТО нет единого, общего для всех подхода к отношениям с Россией. Западное сообщество разделено на три лагеря.

Один из них включает государства, имеющие обширные экономические интересы в России, устойчивые политические связи, сохраняющие благоприятную в целом атмосферу двусторонних отношений и не обремененные грузом конфликтных проблем или иррациональными предубеждениями своих политических элит. Они открыты для поиска новых возможностей развития международного сотрудничества и укрепления общеевропейской и общемировой безопасности. В числе этих государств Германия, а также Франция, Италия, Испания, Греция и ряд других.

Во вторую группу государств входят Польша и республики Балтии, проводящие недружественную в отношении России политику, обусловленную историческим наследием и спецификой правящих политических классов, не желающих сбрасывать негативный балласт и искать новые возможности для стабилизации отношений с Россией. Враждебность к России они, кроме того, используют как разменный материал на переговорах в рамках ЕС и НАТО, выторговывая за деблокирование в этих организациях отдельных позитивных шагов в отношении нашей страны определенные экономические и финансовые уступки. В ряде случаев к этим странам примыкают другие бывшие члены ОВД, сменившие в конце 1980-х годов политическую ориентацию и лишь постепенно возвращающиеся к формированию нормальных, взаимовыгодных и эффективных отношений с Россией.

Действия второй группы государств контролируют и направляют США и, в известной мере, Великобритания, образующие ядро третьей группы и в значительной степени влияющие на общую политику блока НАТО и ЕС. Правда, в связи с решением США не размещать в Польше и Чехии элементы третьего позиционного района ПРО в отношениях США с этими странами возник определенный

диссонанс, что, однако, в долгосрочном плане едва ли ослабит их ориентацию на Вашингтон.

Различия в отношении этих групп государств к России определяют и характер реакции на предложение Д. А. Медведева, которая варьируется от благожелательной до негативной.

Во-вторых, за рубежом все еще не составили окончательного четкого представления о возможностях и последствиях реализации российских предложений. На евроатлантическом пространстве давно сложилась и функционирует система международных союзов и объединений, регулирующая отношения государств региона друг с другом и их совместные действия на международной арене. Регламент их деятельности тщательно выверен и согласован с учетом взаимных интересов и рассматривается ими как оптимальный, несмотря на возникающие временами противоречия и трения.

Отработанная система согласований и взаимодействия существует в рамках НАТО в сфере безопасности. Защищенность этой системой считается эффективной и высоко оценивается членами НАТО. Имеющиеся недостатки и сбои не служат поводом для серьезных сомнений на этот счет среди членов альянса, и, тем более, для выхода из этой организации. Именно поэтому альянс не испытывает недостатка в желающих вступить в него, а процесс его расширения был результатом не только втягивания в него новых членов, но и их собственным настойчивым стремлением получить такой статус.

В этих условиях в странах ЕС и НАТО пока не сложилось ясное представление относительно того, какие дополнительные преимущества даст им участие в новом договоре о европейской безопасности и даст ли вообще. Скорее можно ожидать сомнений на этот счет и опасений относительно ослабления гарантий безопасности в новой структуре. При проработке на Западе российских предложений рассмотрение возможных последствий в этой сфере, вероятно, займет центральное место.

В-третьих, дискуссия на Западе вокруг российских предложений, успев лишь начаться, была заторможена событиями на Кавказе, вызванными нападением Грузии на Южную Осетию. На отпор агрессору западная пропаганда, в том числе и немецкая, автоматически отреагировала антироссийски. Даже после некоторой корректировки позиция СМИ осталась остро критической и даже враждебной нашей стране. Официальная реакция и оценки последующих событий также носила антироссийский характер, с нюансами, обусловленными принадлежностью страны к той или иной из упомянутых групп.

Международные отношения

Германское руководство, как и французское, проявляло определенную сдержанность, но по главным позициям придерживались согласованных на Западе трактовок событий: Россия не полностью выполнила соглашение Медведева—Саркози об отводе войск, признание независимости Южной Осетии и Абхазии нарушает нормы международного права и должно быть отменено, а территориальная целостность Грузии восстановлена.

События на Кавказе использованы в Германии, как и в других странах, для выстраивания аргументации против российской идеи заключения нового договора о европейской безопасности. Утверждается, что действия России в отношении Грузии противоречат положениям, зафиксированным в переданных западу разъяснениях к такому договору. В частности, называется процедура урегулирования международных конфликтов, недопустимость нарушения территориальной целостности и уважение верховенства международного права.

Наиболее радикальные критики России поспешили сделать вывод, что после событий на Кавказе «все эти первые свидетельства разрядки между Западом и Россией превратились в макулатуру». Во всяком случае, потребуется время, чтобы преодолеть резко возросшее взаимное недоверие и вернуться к деловому рассмотрению предложения о формировании новой системы безопасности. Хотя в дальнейшем столь категоричные суждения звучали все реже, кавказская тема не снималась, оставаясь в «пропагандистском резерве».

В-четвертых, негативный фон для обсуждения проектов модернизации системы безопасности создает кризис международной финансовой и экономической системы. Никто не знает, каким и когда выйдет мир из этого кризиса, какие возникнут новые риски и вызовы, какие изменения произойдут в социально-экономических структурах государств, в их политической ориентации, какие корректировки предстоит произвести в деятельности существующих международных организаций? Распространено мнение, что без внесения определенной ясности во все эти вопросы бессмысленно и бесполезно выработать некие виртуальные проекты переустройства мира и обеспечения его безопасности.

Тем не менее, дискуссия в Германии вокруг российских предложений не заглохла, а перешла в фазу критического анализа и оценки всего спектра вопросов, возникающих при рассмотрении этой идеи.

Пытаясь выявить сферы, взаимодействие в которых с Россией отвечало бы глубинным интересам

ФРГ, немецкие аналитики, прежде всего, обращают внимание на энергетику как на центральный вопрос российско-германских отношений. Признается, что благополучие Германии в силу объективных условий на долгие годы будет зависеть от бесперебойных поставок российских энергоресурсов. Этот непреложный факт диктует необходимость упорядоченного и надежного сотрудничества, как для ФРГ, так и для России, заинтересованной в устойчивом рынке энергоресурсов. Из этого делается вывод, что любые новые урегулирования в сфере безопасности не могут и не должны обходить энергетическую область, а включать ее в качестве одного из главных составляющих возможной договоренности. При этом подчеркивается, что доступ российских поставщиков к немецким газораспределительным сетям должен компенсироваться участием немецких (и других зарубежных) энергетических концернов в разработке газовых ресурсов России. Впрочем, эти условия должны обеспечиваться не только в случае выработки предлагаемого Россией договора, но и в переговорах о новом договоре России с ЕС. Поэтому особо указывается на необходимость формирования единой позиции ЕС на переговорах с Россией по газовым вопросам.

Повышенное внимание уделяется ситуации на постсоветском пространстве и политике России в этом регионе. После развала Советского Союза действия Запада в целом и ФРГ в частности были четко направлены на вытеснение России и ослабление ее влияния в бывших советских республиках. Инкриминируя России претензию на особые права в этом регионе, от нее требовали и продолжают требовать признания, что здесь не может быть никаких сфер ее влияния, и что все государства могут на равных соревноваться за предпочтительные отношения с отдельными странами региона. За рассуждениями на этот счет скрывается общая для Запада установка на противодействие консолидации на постсоветском пространстве под эгидой России и, тем более, ее институциональному оформлению. Можно ожидать, что при переходе к конкретному рассмотрению российских предложений о новой архитектуре европейской безопасности будут предприниматься попытки создания правовых барьеров на пути к такой консолидации, а практическая работа ведущих западных государств будет, как и прежде, нацелена на размежевание в лагере СНГ.

В предложенных Россией основах концепции новой системы безопасности в Германии усматривают попытку ослабить ту роль, которую в настоящее время играет НАТО, равно как и главенствующие позиции США в этой организации,

а, следовательно, и в Европе в целом. Вице-канцлер, министр иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайер, выступая в феврале 2009 г. на конференции по безопасности в Мюнхене, заявил, что «работа по обновлению архитектуры безопасности не означает, что надо ставить под вопрос все то, что гарантировало нашу безопасность на протяжении десятилетий: наш трансатлантический союз, НАТО потребуются нам и в будущем»¹.

Неоднократно и еще более определенно высказывалась на этот счет канцлер ФРГ Ангела Меркель. Выступая 10 ноября 2008 г. в Немецком атлантическом обществе она подчеркивала, что «НАТО и трансатлантическое партнерство являются мощным краеугольным камнем нашей архитектуры безопасности» и ни в коем случае не может ставиться под сомнение. По ее словам, в беседах с русскими партнерами она постоянно указывала на то, что попытки внести раскол в структуру трансатлантического партнерства неоднократно терпели провал, и не будут иметь успеха в будущем².

В таком же духе Ангела Меркель выступила на конференции по безопасности в Мюнхене 7 февраля 2009 г. При этом, касаясь предложений президента России Д. А. Медведева, она дала понять, что речь может и должна идти о том, как **инкорпорировать Россию в существующую** архитектуру безопасности, без ущерба для имеющихся западных структур³.

В Берлине не готовы участвовать в продвижении идеи многополярности, во всяком случае, всячески избегают использования терминологии, способной создать впечатление приверженности ФРГ соответствующим устремлениям. Опасаются, что дискуссия о многополярности нанесет ущерб отношениям с США, которые лишь недавно, с приходом к власти Ангелы Меркель, стали выправляться после заметного охлаждения в период коллективной оппозиции Франции, Германии и России действиям США в Ираке. Нацеленность на солидарность с США сильнее проявляется в лагере ХДС/ХСС, однако и социал-демократы предпочитают открыто не противопоставлять себя политике Вашингтона.

В Германии по-прежнему ориентируются на сохранение ОБСЕ в качестве важного механизма воздействия на происходящие в Европе процессы. В то же время, в Берлине не могут не видеть, что эта организация не выполняет тех задач, которые формулировались при ее создании, и что критика со стороны России имеет веские основания. Тем не менее, для немецких аналитиков остается неясным, как сочетать предлагаемые Россией меры по строительству новой системы безопасности с ныне действующими (или бездействующими) механизмами

ОБСЕ. Официальная политическая культура Германии не позволяет отказаться от механизмов ОБСЕ как инструментов воздействия на внутривнутриполитические процессы в «недостаточно демократизированных» странах. В политических кругах все же понимают, что подобная односторонность деятельности ОБСЕ может окончательно скомпрометировать ее и обречь на политическое умирание. Поэтому проблема политической активизации ОБСЕ, насыщения ее новыми идеями, придания ей реальных функций конструктивного участника политических процессов в Европе в рамках новой архитектуры европейской безопасности остается важной интеллектуальной задачей для немецких (и не только) политиков, дипломатов и ученых.

Политические сигналы, поступающие из Вашингтона после вступления в должность нового президента США Барака Обамы, с энтузиазмом восприняты в Берлине как свидетельства готовности американской администрации всерьез заняться проблемами военной разрядки и поиском путей к реальным решениям в сфере разоружения. Прежде всего, ожидают позитивных сдвигов на российско-американских переговорах об ограничении стратегических наступательных вооружений, а также по проблеме ПРО. Прежняя линия администрации Буша, спровоцировавшая тупиковую ситуацию вокруг проекта создания в Европе третьего позиционного района американской ПРО, вызывала в Берлине глухое недовольство, хотя и не перераставшее в открытую оппозицию американским планам.

В Германии понимали, что такие действия США не могут не вызвать ответной реакции со стороны России, которая и последовала в виде предостережения о возможном размещении в Калининградской области ракет «Искандер». Все это было воспринято в Берлине с большой озабоченностью. Замаячила опасность повторения острой ситуации 1970—80 годов в связи с взаимным размещением на европейском театре американских и советских РСД. Поэтому в германских политических кругах с оптимизмом отреагировали на сигналы из Вашингтона о пересмотре американских планов размещения своих радаров и ракет в Польше и Чехии, а также на разъяснение России, что в таком случае в Калининградской области не появятся и ракеты «Искандер».

Комментируя решение США отказаться от прежних планов по ПРО министр иностранных дел ФРГ Штайнмайер заявил 17 сентября: «Я рад, что после сегодняшнего решения мы обретаем возможность заново обсудить со всеми партнерами тему ПРО в Европе. Я с самого начала предупреждал: в конечном счете, нам нужно больше,

Международные отношения

а не меньше совместной безопасности. Поэтому я всегда считал, что на общие угрозы мы должны находить общие ответы. Сегодняшний шаг администрации Обамы является сигналом для всех партнеров о том, что американское правительство стремится к таким совместным решениям. Это правильный путь»⁴.

Ангела Меркель была лаконичнее и связала решение американской администрации с перспективами достижения договоренностей в отношении Ирана. Она рассматривает это решение как обнадеживающий сигнал, направленный на преодоление трудностей с Россией, возникших в ходе выработки единой стратегии в отношении угрозы, исходящей от Ирана.

В дискуссии вокруг российских предложений по формированию новой архитектуры безопасности со стороны руководства ФРГ зазвучали и призывы реанимировать переговоры по ДОВСЕ. Штайнмайер говорил в феврале 2009 г. в Мюнхене, что проблема контроля над обычными вооружениями сегодня не менее, а даже более актуальна, чем 20 лет назад в связи с возросшей угрозой региональных конфликтов. Министр призвал «спасти» режим ДОВСЕ⁵.

В то же время, обращает на себя внимание, что в германских политических кругах склонны избегать прямой и четкой поддержки предложенного Россией формата укрепления европейской безопасности в виде создания некоей новой архитектуры. Штайнмайер выразил в Мюнхене опасение, что заключение нового, юридически обязывающего договора может оказаться неподъемной задачей, поскольку это может потребовать «многолетних переговоров с неясной перспективой ратификации парламентами более чем 50 государств». Он предложил вместо этого работать над «обновлением» существующей архитектуры, начав с конкретных проектов в сфере разоружения. Это, по его мнению, позволит создать «новое доверие» и «возродить дух сотрудничества»⁶.

Тема заключения Договора о европейской безопасности находилась в центре обсуждений в ходе состоявшейся 11—13 июля 2009 г. ежегодной конференции российско-германского форума общественности «Петербургский диалог». Российские представители использовали форум для детального развертывания нашей аргументации в пользу заключения Договора, стараясь перевести дискуссию с общеполитического на конкретно-практический уровень.

Можно констатировать, что идея заключения ДЕБ получает достаточно широкий, хотя и противоречивый резонанс. С одной стороны, немецкие участники форума отмечали очевидность

того, что «безопасность в Европе и для Европы может быть обеспечена только вместе с Россией, а не против России, которая является решающим партнером в обеспечении безопасности на евроатлантическом пространстве». В этом смысле российская инициатива является «важным импульсом», за которым должно, однако, последовать «наполнение идеи конкретными мерами по укреплению безопасности и доверия». Стандартная ссылка на потребность в конкретизации – это обычная отговорка во всех подобных случаях, когда уклоняются от конкретного разговора.

В то же время, настойчиво проводилась мысль, что существующие структуры безопасности, прежде всего НАТО, «не должны быть ограничены в своей дееспособности и возможности принятия решений». Обязательства в сфере безопасности, вытекающие из Устава ООН и Хельсинкского Заключительного Акта, сохраняют, дескать, свою действенность и нет необходимости заново формулировать их в каком-то новом документе. Только если в процессе сотрудничества будет достигнуто некое «наращивание безопасности», можно будет обсудить, следует ли подкреплять такое развитие новым политическим заявлением. Но и в этом случае речь шла именно о политическом, а не юридическом документе.

Из высказываний представителей ФРГ (а это были зам. председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге, уполномоченный правительства ФРГ по сотрудничеству с Россией Шокенхофф, бывшие внешнеполитические советники канцлера ФРГ Тельчик и Ишингер, бывший статс-секретарь МИД и посол ФРГ в Москве фон Плетц, депутаты бундестага от разных партий) следовало, что обсуждение с Россией вопросов безопасности ФРГ хотела бы вести лишь в рамках Совета НАТО, ОБСЕ и Совета Европы, а не в новом формате, который предлагается Россией в связи с новым Договором.

В то время как официальные представители ФРГ проявляют подчеркнутую сдержанность в четкой фиксации своей позиции в отношении ДЕБ, резервируя окончательный ответ на российскую инициативу, в близких к правительству кругах исследователей и политологов весьма откровенно говорят о неприемлемости для Запада нового договора. Фонд Конрада Аденауэра, работающий под эгидой ХДС опубликовал в последнее время ряд исследований, в которых раскрываются мотивы отрицательного отношения к российским предложениям.

Эти предложения рассматриваются в контексте введущейся в Германии дискуссии о задачах и роли НАТО в современной международной политике. Отмечается, что евроатлантический альянс

вступил в третью фазу своего существования. Первая фаза относится к периоду холодной войны. Соответственно задачу НАТО видели в политике устрашения и обеспечении условий военно-стратегического противостояния с Советским Союзом. Содержанием второй фазы считают стабилизацию «новых рыночных демократий в Центральной и Восточной Европе» и расширение НАТО с целью предоставления этим «демократиям» надлежащих гарантий. Третья фаза наступила после 11 сентября 2001 г. и характеризуется появлением у НАТО новой функции – обеспечения безопасности в глобальном, общемировом масштабе путем использования вооруженных сил альянса в «критических регионах». Ослаблять возможности НАТО на этом направлении деятельности недопустимо.

В то же время, в странах НАТО, в том числе в Германии, нет единства в оценке современных угроз и задач альянса в этой связи. Далеко не все одобряют превращение НАТО в «глобального умиротворителя», учитывая связанные с этим риски и огромные расходы. Полагают, что задачи альянса надо ограничить первоначальными рамками – обеспечением безопасности самих его членов. Острые противоречия сопровождают в этой связи и участие ФРГ в военной акции в Афганистане.

Нет единства и в отношении политики дальнейшего расширения НАТО, политики в отношении России. Тем не менее, представление о «глобальной ответственности» НАТО преобладает в миропонимании политических элит Германии. Опасаются, что отказ от этой ответственности приведет к деградации альянса и утрате влияния на происходящие в мире процессы.

Отношение к России остается настороженным и в значительной мере негативным. Существует достаточно распространенное мнение, что Россия не враг НАТО, но и не стратегический партнер. Это великая держава, «управляемая авторитарными методами» и проводящая «реальную политику» образца XIX века, нацеленную исключительно на обеспечение собственных интересов. Претендуя на роль партнера, ведущего на равных диалог с США, Россия не имеет для этого достаточных оснований, являясь «великой державой на глиняных ногах» ввиду экономической слабости, деградации своей армии и демографического кризиса. На основе таких представлений о России делается вывод, что она не может быть для Запада равноценным партнером по новому договору о европейской безопасности и претендовать на право «вето» в решении вопросов в рамках НАТО, включая расширение альянса, чего, дескать, добивается Москва своими

предложениями. Тем не менее, диалог с Россией возможен, необходим и должен быть продолжен.

Для Запада такой диалог должен включать следующие принципиальные элементы:

- «Изменение путем сплетения (Wandel durch Verflechtung)» является в отношениях с Россией задачей стратегии западных государств и НАТО в целом. Понимая под «сплетением» воздействие на развитие демократических процессов в России и «модернизацию» ее внешней политики, авторы этого лозунга видят свою задачу в том, чтобы Россия соблюдала «общепринятые правила игры», особенно в части мирного разрешения конфликтов с соседями.

- Необходимо устранить «многоголосье» в вопросах отношений с Россией, которое раскалывает НАТО. Альянс должен говорить с Россией одним языком.

- Интересы и озабоченности «новых членов» альянса из Центральной и восточной Европы должны восприниматься серьезно. Солидарность должна проявляться, прежде всего, с ними, а не с Россией⁷.

Реакция в Германии (и не только) на предложения России дает достаточно оснований полагать, что на Западе не склонны идти на демонтаж или ослабление таких структур как НАТО и ЕС, образующих стеновой хребет евроатлантической системы безопасности и сотрудничества, и замену их какими-то новыми институтами, эффективность которых пока не может быть измерена и, тем более, доказана.

Вместе с тем, существует определенная готовность обсуждать возможность подключения к деятельности этих структур в сфере безопасности России и других не участвующих в них (кроме ОБСЕ) государств, используя уже наработанный формат сотрудничества и расширяя его (Совет Россия – НАТО, механизмы взаимодействия России и ЕС). Такая модель едва ли соответствует смыслу и духу российских предложений, поскольку не обеспечивает равного статуса всех участников, деля их на тех, «кто принимает» и тех, «кого принимают».

Тем не менее, последовательное развертывание нашей позиции по ДЕБ будут неизбежно побуждать правительства европейских государств к соответствующей политической реакции и оказывать позитивное воздействие на формирование более конструктивного подхода Запада к этим вопросам.

Определенные возможности дает переговорная площадка СБСЕ. Однако для «оживления» этой организации потребуются усиление политического компонента в ее деятельности и наделение ее полномочиями, обеспечивающими активное и эффективное воздействие на процессы в сфере безопасности. Вопрос о том, в какой мере это может быть

Международные отношения

связано с передачей ОБСЕ части функций НАТО остается открытым. А для НАТО это ключевой вопрос.

На нынешней стадии, если судить по заявлениям государственных деятелей ФРГ, приоритет отдается активизации работы на площадке ДОВСЕ, урегулированию разногласий между США и Россией по ПРО и российско-американским переговорам по СНВ. Дискуссия вокруг идеи формирования новой архитектуры европейской безопасности может продолжаться и продвигаться в направлении согласования Парижской Хартии – 2, если удастся договориться о достаточном политическом и правовом наполнении такого документа.

Состоявшиеся в ФРГ парламентские выборы, приведшие к формированию новой правящей коалиции, в которой СДПГ сменила либерально-демократическая партия, не предвещают существенного изменения политики правительства

в вопросах европейской безопасности. В Берлине предпочитают говорить о преемственности внешней политики, о стремлении последовательно продвигать идею широкого сотрудничества на всем евроатлантическом пространстве. Будущее покажет, какое для этого потребуется время.

Vladislav P. Terekhov. Creation of the new architecture of security as a factor of emerging multipolarity in the World. Position of Germany

The article represents analysis of debate opened up in Germany over the proposal made by the RF President D. Medvedev on the new security structure in Europe and conclusion of an appropriate agreement. The author reviews reaction to this proposal received from officials and main political forces which determine the course of foreign activity of Germany and elaborate its position on actual international issues.

-
1. <http://www.auswaertiges-amt.de/diplo/de/Infoservice/Presse/Reden/2009/090206-BM>.
 2. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/2008/11/2008-11-10-rede-
 3. http://www.bundeskanzlerin.de/nn_5296/Content/DE/Rede/200902/2009-02-07-rede-
 4. <http://www.auswaertiges-amt.de/diplo/de/Infoservice/Presse/Reden/2009/090917-BM>.
 5. <http://www.auswaertigws-amt.de/diplo/de/Infoservice/Presse/Reden/2009/090206-BM>.
 6. Там же.
 7. Публикации Фонда им. Конрада Аденауэра. Analuesen und Argumente / Ausgabe 62 / Der NATO-Gipfel 2009: Zum 60. Geburtstag ein neues Strategisches Konzept?
 8. Analuesen und Argumente / Ausgabe 67 / Russland: eine einsame Weltmacht.